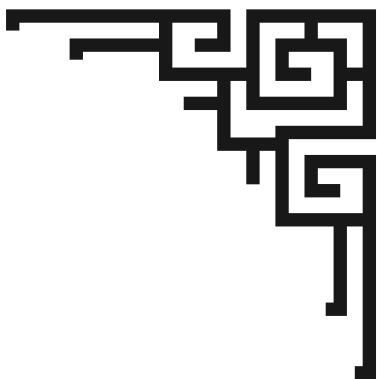
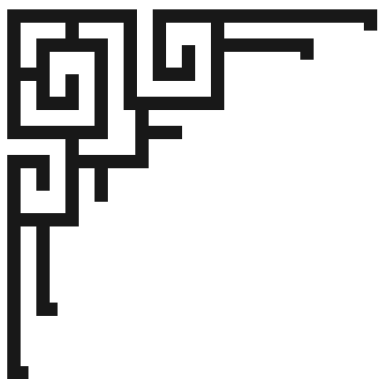

Kim Stanley Robinson

**THE YEARS
OF RICE AND SALT**

Ким Стэнли Робинсон

ГОДЫ РИСА И СОЛИ

fanzon

Москва
2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P58

Kim Stanley Robinson
THE YEARS OF RICE AND SALT

Copyright © 2002 by Kim Stanley Robinson

Оформление *Екатерины Тинмей*

Робинсон, Ким Стэнли.

P58 Годы риса и соли / Ким Стэнли Робинсон ; [перевод с английского Е. Шульга]. — Москва : Эксмо, 2020. — 752 с. — (Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ).

ISBN 978-5-04-109463-8

В четырнадцатом веке Черная Смерть уничтожила в Европе треть населения.

А что, если?.. Если эпидемия чумы уничтожила почти все население Европы? Как будет развиваться человечество?

Это альтернативная история, в которой мир изменился. История, которая тянется через века, в которой правящие династии и нации поднимаются и рушатся. История потерь и открытий. Это - годы риса и соли.

Вселенная, где Америку открывает китайский мореплаватель, промышленная революция начинается в Индии, главенствующие религии — ислам и буддизм, а реинкарнация реальна.

Мы увидим рабов и королей, солдат и ученых, философов и жрецов. От степей Азии до Нового Света – перед нами предстанет потрясающая история дивного нового мира.

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-04-109463-8

**© Е. Шульга, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020**

Хронология

N.B. Исламский и китайский календари – лунные. Христианский и буддийский – солнечные.

Трипитака: Обезьяна, далеко ли ещё до небесных чертогов Амитабхи, будды Западного рая?

Сунь Укун: Можно выйти в путь ещё ребёнком и не останавливаться до самой старости, а потом снова вернуться в начало и повторить этот путь ещё хоть тысячу раз, и всё равно не добраться до заветного места. И лишь когда усердием воли ты узришь во всём сущем природу Будды, когда умом возвратишься к первозданному роднику своей памяти, тогда-то ты и достигнешь его священной горы.

«Путешествие на Запад».

КНИГА 1

ПОЗНАВШИЙ ПУСТОТУ

О новом странствии на запад, где Болд и Псин находят землю опустевшей; Тимур сердается, а глава приходит к грозному заключению.

Обезьяна никогда не умирает. Она вечно возвращается, чтобы прийти на помощь в минуту опасности так же, как приходила на помощь Трипитаке во время первого многотрудного путешествия из Китая на Запад за священными буддийскими сутрами.

Теперь она приняла облик низкорослого монгола по имени Болд Бардаш, всадника в армии Хромого Тимура. Отцом Болда был тибетский торговец солью, а матерью — монгольская корчемница и шаманка, и вышло так, что наш герой начал своё странствие ещё до появления на свет, да так и продолжал скитаться из конца в край да с края в конец, с гор да на реки, из пустынь да в степи, испещряя своими следами средоточие мира. Наш рассказ застанет его уже стариком: с квадратным лицом, кривым носом, седыми косичками и четырьмя коллочками на подбородке вместо бороды. Болд знал, это будет последний поход Тимура, и гадал, что ожидает его самого.

Как-то раз на склоне дня несколько всадников, отправленных вперёд войска с дозором, выехали из-за тёмных гор. Тишина настораживала Болда. Впрочем не тишина как таковая — леса полнились шорохами, неслышными в степи, впереди текла широкая река, разбрызгивая рёв по ветру в кронах деревьев... Только чего-то не доставало. Может, птичьего гомона или какого другого звука, вылетевшего у Болда из па-

мяти. Всадники подгоняли коней, животные пофыркивали. Некстати испортилась погода: лошади длинными хвостами отмахивались от рыжины в самой верхушке неба, поднимался ветер, сырел воздух; с запада подбиралась буря. Под широким степным небом они заметили бы её раньше. Здесь, в горном лесу, небо просматривалось хуже, ветры дули переменчивые, но приметы были налицо.

Скакали лугами, мимо шеренг несжатых посевов.
Под своей тяжестью гнулся ячмень.
На яблонях висли пересохшие яблоки,
Чёрные — валялись на земле.
Не сохранила следов — ни повозки, ни человека —
Дорожная пыль. Солнце село,
На небо вышел щербатый овал луны.
Сова кружит над полем. Подуло:
Мир на ветру начинает казаться бескрайним.
Тревожны лошади — и Обезьяна.

Всадники доскакали до безлюдного моста и переправились. Только копыта клацали по дереву. Они очутились среди деревянных изб с соломенными крышами. Ни одного костра, ни одной зажжённой лампы. Тронулись дальше. Изза деревьев проглядывали ещё избы, а людей всё не было. Земля была темна и пустынна.

Псин поторопил дозорных. Ещё избы торчали по обе стороны от дороги, которая расходилась вширь и, совершив поворот, выводила из гор на равнину. Перед ними чернел опустевший город. Не видно света, не слышно разговоров — только ветер потирает ветви деревьев над чёрной простынёй речного русла. Город пустовал.

Известно, что мы перерождаемся многократно. Заполняем тела, как пузыри воздухом, и, когда пузырь лопается, растворяемся в бардо и там скитаемся, пока нас не вдохнёт в новую жизнь и мы не вернёмся на землю. Это знание не раз служило утешением Болду, когда по окончании очередного сражения он слонялся по полю боя, усыпанному изуверченными телами, словно пустой скорлупой.

Но странно было очутиться в городе, в котором не было войны, и обнаружить, что все давно мертвы. Давным-давно

трупы иссохли, под сумеречной луной сверкают обнажённые кости, обглоданные волками и воронами. Болд проговорил про себя сутру сердца: «Форма есть пустота, и пустота есть форма. Уходя, уходя за пределы, уходя за пределы пределов, возрадуйся пробуждению!»

На окраине города лошади встали. Только шипение и клёкот реки нарушали неподвижную тишину. Прищур луны освещал каменную кладку посреди многочисленных деревянных изб — высокую каменную постройку в кругу каменных построек помельче.

Псин отдал приказ: закрыть лица покрывалами, не спешиваться, ни к чему не прикасаться самим и следить, чтобы лошади касались только земли своими копытами. Не спеша пошли они узкими улицами мимо деревянных домов в два, а то и три этажа, привалившихся друг к дружке, как на китайских улочках. Лошади были недовольны, но не смели упрямиться.

Они вышли к мощёной площади неподалёку от реки и остановились у высокого здания из камня. Его размеры были огромны. Много горожан пришло сюда умирать. Не иначе как местный ламаистский монастырь, только под открытым небом в отсутствие крыши (стройка не была доведена до конца). Точно лишь в свои последние дни эти люди открыли для себя религию, но слишком поздно — это место стало им кладбищем. «Уходя, уходя за пределы, уходя за пределы пределов». Ничто не шелохнулось, и Болду пришлось в голову, что они могли ошибиться и пройти не свой перевал в горах, а тот, который завёл их на другой запад, в самую страну мёртвых. И на мгновение в его памяти мелькнуло краткой вспышкой воспоминание из прежней жизни: поселение, намного меньше этого, стёртое с лица земли лихорадкой, которая выкосила всех стремительно, разом отправив в бардо. Долгие часы, проведённые в ожидании смерти. Вот почему Болду часто казалось, что он узнавал встречаемых ему людей. Их существование было связано одной судьбой.

— Чума, — сказал Псин. — Надо уходить.

Он посмотрел на Болда. Его глаза блестели, а лицо было решительным. Он походил на каменного воина из императорской гробницы.

Болд содрогнулся.

— Хотел бы я знать, зачем они остались, — сказал он.

— Может быть, им некуда было идти.

Несколько лет назад чума вспыхнула в Индии. Монголов болезнь обходила стороной, только изредка поражая младенцев. Но подвержены ей были тюрки с индусами, а в войске Тимура, разумеется, встречались все: персы, тюрки, монголы, тибетцы, индусы, таджики, арабы, грузины. Чума могла убить каждого. Чума могла убить всех. Если это и впрямь чума истребила город — нельзя было знать наверняка.

— Вернёмся и обо всём расскажем, — решил Псин.

Остальные закивали, радуясь, что не им принимать такое решение. Тимур поручил им четыре дня скакать на запад и объехать с дозором Мадыарскую равнину и земли за её пределами. Он не любил, когда ездоки возвращались, не выполнив приказа, даже если отряд состоял из его каучинов. Но Псин будет готов к ответу.

Поскакали обратно в лунном свете, ненадолго встав на привал, только когда утомились лошади. На рассвете продолжили путь, вернулись через широкий проход в горах, который прежние ездоки прозвали Моравскими Воротами. Мимо хижин, из труб которых не поднимался дым. Подстегнули лошадей, и те пустились рысью и скакали весь день до изнеможения.

Когда спустились с протяжного восточного склона горы обратно в степь, огромная туча как стеной перекрыла западную половину неба.

Словно Кали набросила чёрное одеяло,
Богиня Смерти гонит их из своих владений.
Плотное чёрное брюхо в бугристых рубцах,
Чёрные выются спирали кабаньих хвостов и крюков
рыболовных.

Мрачно знамение, даже кони склоняют головы.

Люди не в силах смотреть друг другу в глаза.

Они подступили к обширному лагерю Тимура, когда чёрная грозовая туча покрыла остаток дня и стало темно, как ночью. Волоски на загривке Болда встали дыбом. С неба сорвалось несколько крупных капель дождя, загремел гром, словно

гигантская железная колесница покатила по небу с запада на восток. Всадники пригнулись в седлах и поддали лошадям пятками. Никто не горел желанием возвращаться в такую погоду да с такими вестями. Тимур увидит в этом знак, так же, как и они. Он всегда говорил, что своим успехом обязан асуре¹, который являлся ему и давал наставления. Однажды Болд даже видел воочию, как Тимур вёл беседу с незримой сущностью, после чего рассказывал людям, о чём они думали и что с ними станет. Эта чернильная туча не могла быть ничем иным, только знаком: на западе — зло. Что-то скверное там творилось (возможно, даже пострашнее чумы), и Тимуру придётся отказаться от планов завоевать мадьяр и франков, потому что сама богиня черепов успела опередить его. Не верилось, что он будет готов смириться с таким изменением планов, однако же вокруг бушевала гроза, каковой никто никогда не видывал, а мадьяры были мертвы.

От больших лагерных костров, где готовилась еда, восходил дым, будто здесь совершались жертвоприношения. Стоял привычный, но подзабытый запах — пахло домом, покинутым навсегда. Псин окинул взглядом собравшихся.

— Привал, — скомандовал он, чтобы всё обдумать. — Болд. Болда пронзил страх.

— Подойди.

Болд слотнул и кивнул. Он не был храбрецом, зато его отличала стойкость, присущая каучинам, старейшим воинам Тимура. Псин и Болд оба понимали, что вторглись на непознанную территорию и впереди ждёт страшное, чему предначертано неумолимо сбыться, — кармическая петля, из которой не выпутаться.

Как и Болду, Псину наверняка припомнился случай из их юности, когда они попали в плен к таёжным охотникам на севере от реки Камы. Сговорившись, они вдвоём спланировали фантастически удачный побег, зарезали главаря охотников и, перескочив через костёр, скрылись в ночи.

Проехав караульные посты, они поскакали через весь лагерь к шатру хана. На северо-западе вспышки молнии бередили чёрное небо. Ни один, ни другой не видели такой

¹ В буддизме и индуизме божества низкого ранга (*прим. ред.*).

грозы за свою долгую жизнь. У Болда на руках вздыбились редкие волоски, как щетинки на свиной шкуре, и воздух наполнился треском: преты, голодные духи, слетелись поглядеть на выход Тимура. Сколько же душ он погубил!

Всадники спешили и встали. Из шатра показались стражники, развели в стороны шторы, закрывающие проход, и, натянув тетиву на луках, заняли боевые позиции. В горле у Болда пересохло так, что невозможно стало глотать; ему казалось, что синий свет исходит изнутри большой юрты хана.

Тимур появился, высоко восседая на носилках, которые слуги взвалили себе на плечи. Он был бледен и весь вспотел, в глазах виднелись одни белки. Он поглядел на Псина.

— Зачем вы вернулись?

— Мадыр настигла чума, хан. Они все мертвы.

Тимур не сводил глаз со своего нелюбимого генерала.

— Зачем вы вернулись?

— Доложить тебе, хан.

Голос Псина был твёрд, он бесстрашно глядел в свирепые глаза Тимура. Но хан был рассержен. Болд сглотнул. Всё сейчас было не так, как в день побега от охотников, — нельзя было надеяться на повторение подвига. Вот только мысль, что это им под силу, никуда не делась.

На глазах у Болда что-то в Тимуре оборвалось: асура заговорил через него, и, похоже, слишком дорогой для хана ценой. Или не асура, а нафс — животное начало, сидящее внутри него. Он просипел:

— Им так легко не отделаться! Они поплатятся, сколько бы ни пытались убежать, — он слабо взмахнул рукой. — Возвращайтесь к своему взводу.

Потом спокойным тоном он обратился к стражникам:

— Отведите этих двоих обратно и убейте — их, их солдат и их лошадей. Разведите костёр и сожгите всё дотла. Затем выедем на восток, будем скакать два дня и разобьём лагерь там.

Он занёс руку.

Мир раскололся.

Между ними разорвалась молния. Болд оглох и осел на землю. Сконфуженно оглядевшись, он увидел, что и остальных распластало по земле, а шатёр хана полыхал огнём. Тимуровы

носилки опрокинулись, слуги попятились в стороны, а сам хан, припав на колени, схватился за грудь. К нему подоспел кто-то из подданных. В гущу людей снова ударило молнией.

Ослеплённый, Болд заставил себя встать на ноги и бросился бежать. Он оглянулся и сквозь пульсирующую зелёную пелену перед глазами увидел, как чёрный Тимуров нафс выпорхнул у того изо рта и растворился в ночи. И нафс, и асура покинули Тамерлана, Железного Хромца. Опустошённое туловище рухнуло наземь, и на него пролился дождь. В темноте Болд побежал на запад. Нам неизвестно, куда побежал Псин и как сложилась его судьба, а вот что приключилось с Болдом, вы узнаете в следующей главе.

2

О том, как по стране голодных духов блуждает обезьяна, одинокая, как облако.

Болд бежал на запад всю ночь, иногда переходя на шаг. Под проливным дождём он продирался через заросли, поднимался на крутые склоны холмов, встречавшихся на пути, где его не достал бы никакой всадник. Никто бы не полез из кожи вон в погоне за возможным переносчиком чумы, но меткий выстрел мог поразить и на большом расстоянии. Болд решил уйти из этого мира, будто его здесь и не было. Если бы не эта неслыханная гроза, погибнуть бы ему и устремиться к новому витку существования — этот путь он сейчас и держал. «Уходя, уходя за пределы, уходя за пределы пределов...».

Он шёл весь следующий день и следующую ночь. Рассвет второго дня застал Болда, когда он вновь миновал Моравские Ворота: он понимал, что никто не посмеет последовать за ним сюда. Очутившись на Мадыарской равнине, он двинулся на юг, в леса. В росистом утреннем свете он заметил поваленное дерево и, скользнув под оголённое корневище, проспал остаток дня укромно и в сухости.

Ночью дождь перестал, и на третье утро Болд высунулся наружу, изнемогая от голода. Не теряя времени даром, он на-